

В СЕМЬ ЧАСОВ ВЕЧЕРА, ПОСЛЕ РАБОТЫ

В связи с введением нового режима рабочего дня в советских учреждениях работники государственного аппарата получили возможность больше уделять внимания своей семье, воспитанию детей.

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— И как это жена одна управлялась с ними!..

К Р О К О Д И Л

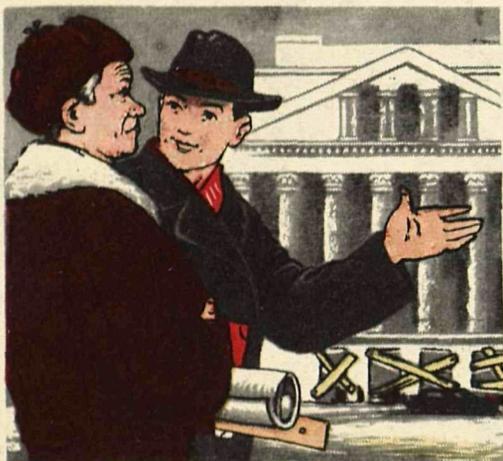
НА ТАКОМ КОНЕ ДАЛЕКО НЕ УЕДЕШЬ

В Казани уже более пятнадцати лет строится театр оперы и балета.

Рисунок Х. ЯКУПОВА.

Он родился, стройка росла.

Он подросток, а театр не родился.

В некоторых районах Татарии, готовясь к очередной сельскохозяйственной кампании, принимают много решений, резолюций, проводят совещания, рассылают циркуляры, а живого руководства нет.

Рисунок К. ГУБАЙДУЛЛИНА.

Еду, еду — не доеду,
Что случилось с конём!

В ряде районных центров Татарской АССР нет парикмахерских.

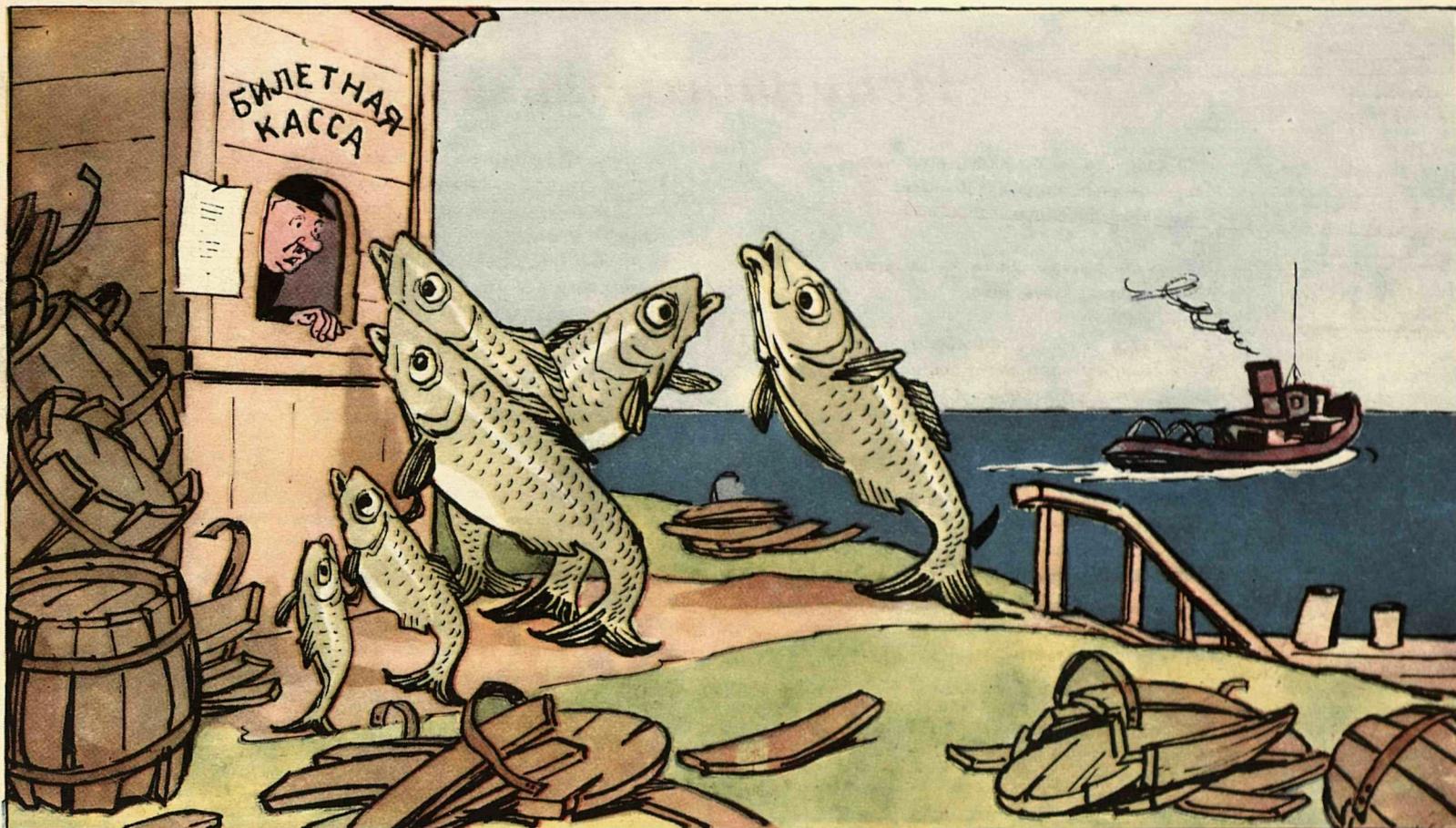
Рисунок Н. ВАЙВУРИНА.

— Куда, бородачи, путь держите!
— В соседний район, товарищ председатель, побриться решили...
— Ну-ну, поспешайте, я вам очередь займу!..

Рисунок А. БАЖЕНОВА.

Промысловая кооперация и местная промышленность не производят в достаточном количестве бочковой тары.

— А вы как желаете ехать!
— Как сельди в бочке...

Развязав мешок, Александра Николаевна Зверева с удивлением пожала плечами: — Что же это такое? На этикетке написано одно, а в мешке совсем другое.

— Что именно? — заинтересовался Степан Станиславович Кабанов.

— Сущая загадка.

Много лет Зверева и Кабанов проработали в Марьинском сельмаге, много повидали они на своём веку и считались опытными кооператорами, но и они никак не могли определить, что за товар в мешке. Ещё раз прочитали они чётко написанную этикетку: «Лапша. Сорт первый. Торжокский горпищеккомбинат, Калининская область» — и в один голос сказали:

— Нет, это не лапша. Скорее всего это манная крупа. Хотя на крупу не похоже. Мука? Тоже нет. Что же это такое?

Попробовали загадочный продукт на зуб, высыпали на ладонь, ещё раз проверили на ощупь и в конце концов решили, что это, пожалуй, в самом деле когда-то было лапшой. Да и мог ли выглядеть иначе такой деликатный продукт, если он путешествовал до магазина не в ящиках, как положено, а в мешках? Интересно, что скажут о лапше покупатели? Ждать пришлось недолго. В магазин вошла учительница и попросила лапши.

— Только что получили. Свежая. Первый сорт. Не знаю, понравится ли, — чистосердечно призналась продавщица.

— Почему же не понравится? — удивилась учительница.

Но, взглянув на торжокскую лапшу, изготовленную из самой хорошей муки, покупательница замахала руками:

— Нет, увольте! Вы мне отнесите, пожалуйста, настоящей лапши.

В магазин вошли колхозники из соседней деревни. Продавцы, поправляя чистые халаты, приветливо встретили гостей:

— Здравствуйте. Спасибо, что не забываете нас. Что угодно?

ТЩЕТНЫЕ НАДЕЖДЫ

— Колёсной мази.

Степан Станиславович пригласил покупателей в отдел хозяйственных товаров.

— Как же без мази! Не подмажешь — не поедешь. Сколько вам? Бочку? Две? — Нам не бочками, а маленькими ящиками. Чтоб в дорогу можно брать.

— Расфасованной мази, к сожалению, нет. Только в бочках. В каждой по сто двадцать килограммов, — упавшим голосом пояснил продавец.

— У них всё бочками, — с иронией произнёс пожилой колхозник в охотничьих сапогах. — Мне однажды чистый дёготь понадобился. Сапоги помазать. Захожу сюда. Дайте, прошу, бутылку берёзового деготьку. Дёготь, говорят, у нас имеется, чистый, ароматный, первосортный, но, к сожалению, только в бочках.

— Теперь и в бутылках есть, — услужливо пояснил продавец. — Из Прибалтики завозим.

— Почему ж издалека?

— Что подлаешь? Тамошняя расфасовка учитывает спрос покупателей.

В сельмаг вбежала весёлая ватага школьников:

— Дядя Стёпа, чернила есть? Мне один пузырёк.

— И мне один. Фиолетовых.

Продавец как-то сразу сник и словно лишился способности двигаться.

— У нас, ребята, чернила только в бутылках и порошках. Будете брать?

— Нет, не будем. Нам пузырёчки надо. Вроде чернилниц, — ответил за всех мальчуган в картузе и повелительно поско-

трел на своих товарищей: — Айда в другой магазин!

— Небось, в соседнее село побегут, — встревожился продавец и крикнул вслед детворе: — Эй, ребята, не бейте попусту ботинки! Чернил в пузырьках не найдёте во всём нашем Медновском районе.

У крыльца сельмага прогудели и затихли автомашины, нагружённые новыми кроватями, диванами, гардеробами.

— Товарищи покупатели, мебель поступила! — восторженно объявил продавец. И тут же, грустно вздохнув, добавил: — С Калининской мебельной фабрики.

— Что и говорить, красивые вещи, удобные, прочные. Со вкусом сделаны. Жаль, в дороге подпорчены, — сетовали колхозники после осмотра мебели.

Назавтра же о претензиях покупателей стало известно председателю Медновского райпотребсоюза Старостиной, а затем — председателю Калининского облпотребсоюза Суворову. Кооператоры потребовали у поставщиков:

— Упаковывайте и расфасовывайте товары так, чтобы покупатели не жаловались.

— Берите товары в таком виде, в каком даём, — возразили поставщики.

— Не будем идти у вас на поводу! — отрезала одна сторона.

— И мы не желаем идти у вас на поводу! — отрубил другая сторона.

Калининским кооператорам ничего другого не оставалось, как завозить лапшу из Московской области, мебель — из Ленинграда, колёсную мазь и чернила — из Прибалтики. Но руководители калининских предприятий надеются сбыть лапшу, мебель, колёсную мазь и чернила за пределами своей области.

Они, видите ли, надеются, что в других областях покупатели менее требовательны. Тщетные надежды.

П. ДУДОЧКИН

г. Калинин.

История болезни

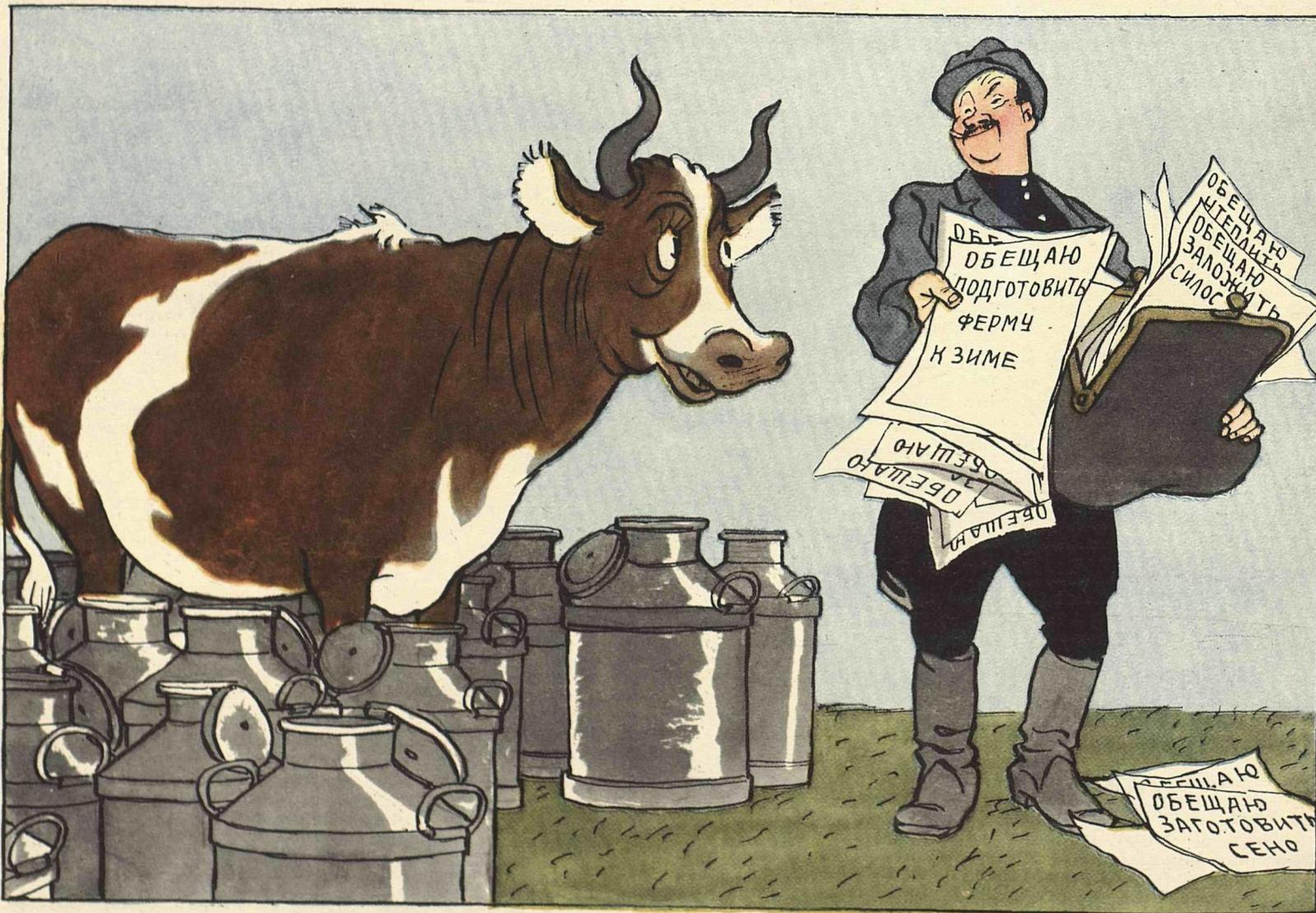
Стал слепнуть не по дням, а по часам
Илья Семёныч, сидя в кабинете.
А как это случилось,
Он и сам,
Сказать по правде, даже не заметил.
Болезнь подкралась тихо,
Средь забот,
И началась в таком примерно виде:
В приёмной у него сидит народ,
Народ его с утра до ночи ждёт,
А он, представьте,
Этого не видит.
Для клуба телевизор куплен был,
Но ловкий комендант решил иначе,
И телевизор сам установил
Он у Ильи Семёныча на даче.
И, отдыхая там в вечерний час,
Илья Семёныч,
В мягком кресле сидя,
Тот телевизор смотрит каждый раз,
А то, что он чужой,
Совсем не видит.

Болезнь его сильнее с каждым днём,
И слепоты всё явственней симптомы.
Вот, например, ещё один симптом:
Пришёл к нему проситель незнакомый,
И, чтобы поскорей решить вопрос,
Начальнику
Часы он преподнёс.
Илья Семёныч отказать не смел
Просителю,
Чтоб не был тот в обиде...
Что на камнях часы, он разглядел,
А то, что это взятка,
Не увидел.
Илья Семёныч стал почти слепым,
И дело до того дошло, что, скажем,
Меж государственным карманом
И своим
Не замечает разницы он даже.
Погубит эта слепота его,
И в результате так, конечно, выйдет,
Что кабинета своего
Илья Семёныч вскоре не увидит!

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

— За эти бумажки вы от меня молока не получите!..

Хороший ПАРЕНЬ

Когда Люда Батусова стала отстаивать по английскому языку, Алёша первым заговорил о том, что ей надо помочь.

— Ребята, у нашей Людочки может образоваться хвост! — озабоченно говорил он. — А с хвостами, как вы знаете, надо бороться. — И тут же перешёл на серьёзный тон: — Пусть Митя Чебанов с ней позанимается. У Мити по английскому пятёрка.

— У тебя тоже пятёрка, — робко вставила Катя Зайцева. — Митя и так у нас очень перегружен.

— Если нужно помочь товарищу, то время найдётся! — назидательно сказал Алёша. И добавил примирительно: — Я бы охотно взялся. Только, по правде говоря, я сам не очень силен. Мне наш старик зависил оценку. Прислушал, что я напутал с глаголами. — И он принялся представлять в лицах, как профессор задавал вопросы, не слушая ответов.

Все посмеялись, а Митя Чебанов получил ещё одну нагрузку. Но зато все сошлись на том, что Алёша первым подумал о Люде.

Вообще Алёша всегда охотно приходил на помощь товарищу. Если кто-нибудь из студентов жаловался, что не хватает денег до стипендии, Алёша озабоченно морщил свой высокий лоб, поглаживал зачесанные назад светлые волнистые волосы и принимался вслух рассуждать:

— Коля получает персональную. У него должны быть деньги. Хотя нет, он увлёкся Эльзой и каждый вечер ходит с ней в кино. Все картины пересмотрел. Подожди, ты не волнуйся, сейчас придумаем. Антипов? Нет, этот, если у него и есть деньги, начнёт отнекиваться. Вот что, пошли к Семёну! Я знаю: он копит деньги на коштом. Ты не стесняйся, я сам с ним поговорю.

И он так обрушивался на Семёна, что тот спешил в сберегательную кассу и приносил нужную сумму. Обрадованный товарищ тряс скромно улыбавшимся Алёше руку, не задумываясь о том, почему Алёша, так горячо только что толковавший о принципах дружбы, никогда не полезет в свой карман и не выручит приятеля.

— Только ты сразу отдай, как получишь стипендию, — назидательно говорил Алёша. — Нельзя подводить товарища. Так что пошли обедать? Ты уж за меня сегодня заплаати, а то я тоже остался без копейки.

И если его спрашивали, почему он сам не взял денег у Семёна, он отвечал беззаботно:

— Ничего, как-нибудь перебыюсь. Не люблю брать в долг. А в другой раз я за тебя заплачу.

Но можно ли, не прослав неблагодарным, потребовать деньги за обед с товарища, который только что оказал такую услугу, так хлопотал?!

Однажды Митя Чебанов, доверившись мартовскому солнцу, пошёл на лыжах в одной майке и простудился. Пришлось положить его с воспалением лёгких в больницу. Каждый выходной день друзья на-

вещали его. Люда, любившая сладкое, возила Мите пирожные. Семён бежал по магазинам, разыскивая апельсины. Катя приносила из дому сдобные пирожки. Антипов, о котором так неслестно отзывался Алёша, доставал другу последние книжные новинки.

— Не забудьте от меня привет передать! — говорил Алёша каждому из них. — Пусть «старик» поправляется! Главное — слушаться врачей, так ему и скажите.

— А ты разве не поедешь?

Алёша сокрушённо разводил руками:

— Над конспектами надо посидеть. Запустил я их, нехорошо получается. Ты скажи: пусть «старик» не скучает. А в следующее воскресенье я обязательно к нему загляну.

Но и в следующее воскресенье Алёша передавал привет.

Зато, когда Митя вышел из больницы, никто так энергично не тряс ему руку, никто с такой заинтересованностью не расспрашивал, хорошо ли в больнице кормили, не скучно ли было лежать, навещали ли товарищи.

— Привет от меня передавали? — спросил он озабоченно. — Ну, порядок! Теперь тебе надо нагонять, месяц пропустил, не шутка. Ты не волнуйся, наши ребята помогут, я с ними поговорю.

И исчез, сияя своей открытой улыбкой. Алёша был неизменным желанным гостем на вечеринках, которые устраивали в день рождения или по какому-нибудь другому значительному поводу студенты и студентки, жившие с родителями. Он мог неумолимо танцевать, провозглашал забавные тосты, предупредительно передавал соседкам вкусные блюда. Умел он и побеседовать с родителями виновника или виновницы торжества, показать себя человеком степенным и рассудительным.

Как-то на одной из таких вечеринок Алёша очень много танцевал с Катей. Он был оживлён, рассказал массу смешных историй, а когда, отправляясь по домам, все вышли гурьбой на улицу, Алёша взял Катю под руку. Катя шла, мечтательно глядя на уходящие вдаль фонари, и напевала «Студенческий вальс», под который сегодня танцевали. Весенний вечер ей казался почему-то на редкость хорошим. Разноцветными огоньками перемигивались светофоры, автомашины, трамваи и автобусы. Это напоминало Кате карнавал в парке культуры и отдыха. Позади шли товарищи и подруги. Некоторое время слышался их весёлый смех, временами вспыхивал шумный разговор. Потом компания постепенно растаяла.

На углу одного переулочка Катя остановилась и сказала:

— Ну, мне сюда!

Алёша замаялся. Трудно было найти предлог, чтобы дальше не провозжать Катю, но переулочек был так скупо освещён (свет падал только из окон небольших домиков), а в глубине его слышалось шарканье чьих-то тяжёлых каблучков по камням... Алёше вовсе не хотелось, потом возвращаться по этому тёмному переулочку одному.

— Так ты уже дома? — с притворным удивлением сказал он. — Вот эта улица, вот этот дом?.. Ну, до завтра! — И, высвободив руку, протянул её Кате.

То ли она не видела протянутой руки, то ли была ошеломлена странным поступком своего кавалера, но, взметнув на Алёшу свои длинные ресницы, ничего не ответила ему и быстро пошла, почти побежала по переулочку.

Подошло время летней практики. Алёша заранее развил бурную деятельность. Он разузнал, в какие республики и области направят студентов. Каждый день он забегал в комитет комсомола и делился своими соображениями.

— Митя болен воспалением лёгких, — говорил он сочувственно. — Ему важен лесной воздух. Надо поговорить, чтобы его послали в Сибирь. Я думаю, что руководство института должно посчитаться с мнением комитета комсомола. Семёна можно на Алтай. Кате и Люде будет интересно поехать в Среднюю Азию: они ещё никогда там не бывали.

Оказывалось, что он уже подумал обо всех своих однокурсниках. И только о себе Алёша скромно умалчивал.

Но случилось так, что Мите дали путёвку на подмосковный завод. Узнав об этом, Алёша опрометью бросился в комитет комсомола. Он горячо говорил о том, как важен смолистый, чистый воздух после воспаления лёгких. Уверял, что Митя всё время мечтал о поездке в Сибирь. Не добившись поддержки, отправился к Мите и стал уговаривать его не соглашаться.

— Иди к ректору! — требовал он. — Что ты, не можешь за себя постоять? Лыжник, физкультурник, а на поверку ты просто лопух!

— Ладно, поработаю под Москвой, — злобиво отвечал Митя. — Начальству видней, куда кого послать. Говорят, завод хороший, с новейшим оборудованием. Нет, я доволен, ты зря беспокоишься.

Но Алёша беспокоился не зря. Он знал, что на подмосковный завод выделено для практики только одно место. И это место он давно облюбовал для себя.

— А тебя куда? — спросил Митя.

— Не знаю, я о себе не думаю! — сердито ответил Алексей и поспешил уйти.

Но он знал: теперь его могут послать на Урал, в Сибирь или в Среднюю Азию, куда ему очень не хотелось ехать.

Через несколько дней студенты получали направления. Когда очередь дошла до Алексея, он решительно сказал:

— В Сибирь я не поеду. Почему я не имею права поехать в Подмоскovie? Когда общественную работу вести, так всё на меня валится, а лучшую путёвку другому отдают. Я тоже на неё имею право!

Митя широко улыбнулся, вспомнив, как Алексей уговаривал его обязательно добиваться направления в Сибирь. Другие студенты с удивлением наблюдали, как Алексей потерял свой обычный благодушный вид, недоумевали, почему в его голосе появились такие неприятные, визгливые нотки.

— У меня мама в Подольске! — доказывал он. — Ведь всё равно, где проходить практику: в Сибири или под Москвой. Я от практики не отказываюсь. Но я тоже имею право на чуткость!

Всё же ему пришлось взять направление в Сибирь. И он ушёл, ни на кого не глядя, с гордо поднятой головой, как человек, никем не понятый и обиженный.

Вечером в общежитии собрались студенты. Алексея среди них не было.

— Не понимаю, что случилось с Алёшей! — сказала Катя, моргая длинными каштановыми ресницами, обводя товарищей печальным взглядом. — Такой хороший парень... Как подменили его.

— Хороший парень? — переспросил Митя. — А что он кому сделал хорошего?

Все задумались. Много раз они называли Алексея хорошим парнем и были убеждены в этом. Но вот на вопрос Мити никто не мог дать ответа: вспомнить было нечего.

ВИЛЫ В БОК

ИЗ ГОДА В ГОД

Когда с дерев «неслышен, невесом слетает жёлтый лист», в здании абаканского Дома культуры, где помещается областной театр имени Лермонтова, начинается бурное оживление: несколько десятков плотников, штукатуров и маляров спешно латают дыры в потолке, покрывают свежей краской стены зрительного зала.

В эти горячие дни в Доме культуры можно встретить немало представителей городского начальства и даже самого Дмитрия Лазаревича Черкасова, председателя исполкома Абаканского горсовета. Начальство то и дело покрикивает на маляров и штукатуров, торопит их: — Давай, ребята! Праздничные дни на носу. Не можем же мы проводить торжественное заседание в затрапезном помещении!

И всякий раз директор Дома культуры тов. Логинов, пользуясь присутствием начальства, вздыхая, говорит:

— Тут, Дмитрий Лазаревич, капитальный ремонт нужен. Десять лет его не было. Грибок завёлся, ей-богу! Неровён час, рухнут потолочные перекрытия...

— Не рухнут,— добродушно отвечает тов. Черкасов.— Греческий Парфенон две тыщи лет стоит не только без капитального ремонта, но даже без простой побелки. А на ваш Дом культуры одного сурика да белил сколько ухлопано за десять лет! Стало быть, и вы простите не меньше.

Увы! Не оправдал абаканский очаг культуры надежд Дмитрия Лазаревича. Майским

днём нынешнего года сильный вихрь сдул с очага культуры крышу. А несколькими днями позже рухнул и потолок.

Вот засуетилось тогда городское и областное начальство! Молниеносно было вынесено решение: поручить начальнику треста «Хакастрой» тов. Туганову произвести капитальный ремонт Дома культуры. Обиженный, что его

загружают таким пустяковым делом, тов. Туганов принял всеми имеющимися в его распоряжении средствами затягивать ремонтные работы. Это ему и удалось. Что же касается контроля за работой Туганова, то... Д. Л. Черкасов понадеялся на обл. исполком, поскольку Дом культуры и театр имени Лермонтова находятся в областном подчинении. Обл. исполком, в свою очередь, понадеялся на председателя горисполкома. А директор Дома культуры Логинов понадеялся и на того и на другого.

Так, в тиши и благодати, прошло всё лето. Но вот снова осень. И снова в Доме культуры суетится начальство, торопя ремонтников: — Давай, ребята, пошевеливайся! На вас вся надежда. Торжественное заседание на носу!

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

Вследствие плохой работы органов кинопроката кинопередвижки приезжают в сёла очень редко и преимущественно со старыми фильмами.

Ни к селу, ни к городу...

СЕЛИВАНИХА И ЮСТИЦИЯ

Заранее предупреждаем читателей: к чёрной и белой магии бабка Селиваниха не имеет никакого отношения. К медицине тоже. Для врачевания недугов человеческих у бабки разработана своя метода. И фармакопея у неё тоже своя. Так, в качестве универсального средства бабка использует настойку сулемы на водке. По её «рецепту» за весь курс лечения надо выпить всего-навсего... девять литров этой настойки.

Селиваниху (П. В. Шеховцову) знают не только в селе Песчанокопском, где она практикует. Приезжают к ней доверчивые пациенты и из соседних районов Ростовской области. Приезжают и... нередко отправляются на тот свет. На бабкиной совести уже несколько загубленных жизней.

Года три назад районная газета разоблачила Селиваниху. Но сигнал газеты прозвучал гласом вопиющего в пустыне. Понадобилось выступление областной газеты «Молот», чтобы бабкой вплотную заинтересовались судебные органы. Пылая благородным гневом, судья З. М. Савенко сурово покарал знахарку: оштрафовал на сумму, равную её дневной вырубке. Ободрённая Селиваниха-Шеховцова с

новыми силами принялась трудиться на своём знахарском поприще.

Когда соседи спрашивают у бабки, каким чудом удаётся ей вылезать сухой из воды, она скромно объясняет:

— Свет не без добрых людей. Про работников юстиции я уж и не говорю. За них, благодетелей, я денно и ночью поклоны отбиваю.

Сделав таинственное лицо, бабка наклоняется к уху собеседника и уже шёпотом добавляет:

— Сам товарищ Иванов, областной прокурор, у меня лечился. Не побрезговал!

ДЛЯ ТОГО

и построено!

Ленинские горы. 1 сентября 1953 года... Первый день занятий в новом Дворце науки. Сотни людей явно нестуденческого возраста толпятся у входа, но — увы! — через порог им не перешагнуть. Стоящий в дверях человек говорит сильно уставшим голосом:

— Граждане, не толпитесь! Поймите, это не музей. Это — высшее учебное заведение, в котором начались занятия...

Никто не спорит. Люди издали заглядывают в устланный коврами и озарённый дневным светом вестибюль и уходят. Но подходят новые. И снова: «Граждане, не толпитесь! Поймите...» и т. д.

На ступенях парадной лестницы стоит шумная группа молодёжи. Они ведут себя так, будто им вовсе не интересно попасть внутрь здания. Знакомимся с ними, и всё становится понятным: все они строили это здание и знают наизусть каждую его комнату. Разговариваем с комсоргом ЦК ВЛКСМ на стройке Женей Мосягиной.

— Сколько ваших комсомольцев поступило в МГУ?

— Около тридцати.— Она улыбается.— Может, вам покажется, мало? Так имейте в виду: в нашей комсомольской организации более двух тысяч человек. Если бы все пошли в МГУ, получилось бы, что мы этот дворец для самих себя построили. Потом многие наши ребята пошли в другие вузы...

В разговор включается Боря Гроховский. Он приехал на стройку из Кировограда с заранее обдуманной расчётом: построить МГУ, за время стройки закончить среднее образование и поступить сюда учиться.

— Но я малость просчитался,— говорит он.— Здание уже готово, а мне ещё год надо учиться в средней школе. Так что сюда я приду студентом через год.

— Если не останешься в школе на второй год,— под общий смех уточняет ситуацию Володя Базилович и говорит:— А вот обо мне можно сказать, что я сам себя из дома выселил. Двадцать пять лет назад я родился вот здесь, на Ленинских горах. Наш дом стоял вон там.— Он показал туда, где сверкала умытая дождём зелень газонов.— Когда началась стройка, наш дом снесли.

— Бедный, бездомный мальчик,— смеётся Алёша Смирнов.

— Почему бездомный? Мы получили квартиру в новом доме на улице Левитана.

II

Бесшумный лифт поднимает нас на этаж геологического факультета. Знакомимся с руководителем кафедры кристаллографии и кристаллохимии Георгием Борисовичем Бокий. Беседу с нами он начинает в довольно популярной форме. Он говорит:

— Чтобы вы поняли наше счастье, приведу вам только одну деталь: в старом помещении наша кафедра имела одну проходную комнату, здесь мы получили одиннадцать. И все они непроходные, и все они оборудованы самой совершенной научной аппаратурой...

На этом популярная часть беседы окончилась. Учёный вынул из шкафа и поставил перед нами на стол странное сооружение: проволочную клетку, внутри которой в отчаянном беспорядке были размещены разноцветные шарики. Это было похоже на какую-то игру, но Георгий Борисович сказал, показывая на клетку:

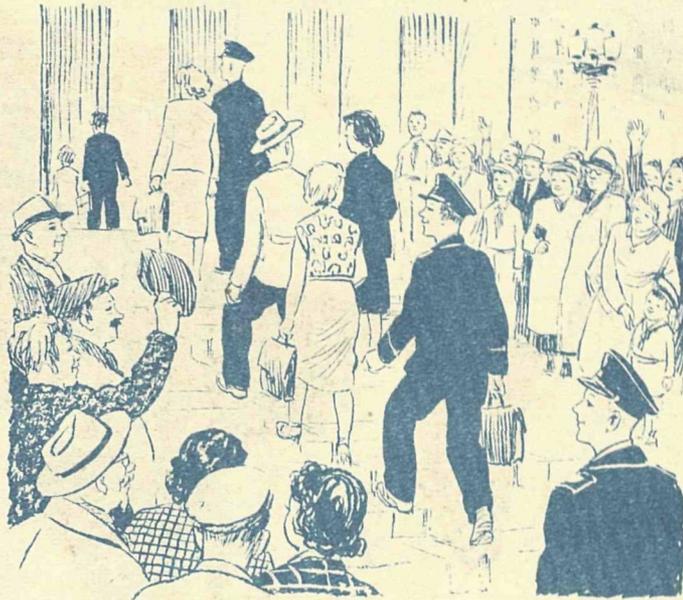
— Так выглядит атомная структура сульфата магния, только всё здесь увеличено в сто миллионов раз.

Смятение на наших лицах он, вероятно, принял за недоверие и, не говоря ни слова, провёл нас в лабораторию, где мы увидели мощные и сложнейшие аппараты, при помощи которых можно разглядеть эти самые невидимые миру атомы. Мы смотрели на аппараты почти религиозно, и тогда учёный, снисходительно улыбаясь, сказал:

— Конечно, для вас всё это очень сложно. Чтобы понять то, о чём я говорю, надо учиться минимум на третьем курсе нашего факультета. Мы промолчали: обижаться было бессмысленно. Всё верно: чтобы знать, надо учиться, ведь для того и построен этот дворец.

Помещения кафедры полезных ископаемых нам показывает воспитанница МГУ, ныне ассистентка кафедры Елена Михайловна Захарова. Она водит нас по солнечным, светлым комнатам, рассказывает об их совершенном научном оборудовании и при этом всё время вздыхает...

Между прочим, руководителя этой кафедры Владимира Ивановича Смирнова сейчас в Москве нет. Он находится в далёкой геологической экспедиции. Уважаемый Владимир Иванович, мы побывали и в вашем прекрасном кабинете, где в шкафах любовно разложены минералы из вашей личной коллекции, на столе лежит чистая шестидневка, и ручка с новым пером прислонена к чернильнице. А из окна такой вид, что мы не берёмся его описывать. Сами увидите...

Закончив объяснения, Елена Михайловна опять вздохнула и сказала:

— Как я хотела бы учиться сейчас!..

Мы её прекрасно понимаем, как понимаем и другого человека, которого мы увидели в коридоре. Это был пожилой мужчина с бронзовым загаром лица и с университетским значком на груди. Он стоял перед двумя смешливыми девушками-студентками и строго отчитывал их:

— Ну чего вы смеётесь? Я вам говорю совершенно серьёзно: вы не имеете права учиться плохо.

— Почему вы думаете, что мы учимся плохо?

— Почему? Я не вижу на ваших лицах трепета перед всем, что вам дала Советская власть.

— Нам трепетать некогда,— еле сдерживая смех, говорит одна из девушек.— Нам как раз надо учиться.

Пожилой человек, оказавшийся геологом Иваном Андреевичем Сомихиным, обратился к нам:

— Ну видите? Не понимают — и всё. Да когда я учился, мы минералы в карманах таскали: положить было некуда. В 27-м году мы, дипломники, каждый день дрова пилили, чтобы аудиторию протопить.

Одна из девушек загорно спросила:

— Может, вы хотите, чтобы и мы пилили дрова?

— Нет. Но я хочу, чтобы вы, учась в этом дворце, помнили, как мы пилили дрова...

III

Слышен пронзительный звонок — окончилась первая лекция первого дня занятий во дворце МГУ. Эту лекцию читал Владимир Владимирович Белоусов. Он вышел из аудитории, сопровождаемый шумной ватагой студентов. Воспользовавшись перерывом, мы заглянули в аудиторию. Оставшиеся там студенты чувствовали себя как ни в чём не бывало. Один торопливо списывал что-то с тетрадки соседа. Двое спорили о том, звуковая или немая кинокомедия «Далёкая невеста». Группа студентов стояла перед доской, на которой красовалось размашисто написанное мелом первое объявление: «Геохимик! Составы п/групп по силикатному анализу вывешены на пятом этаже на доске объявлений деканата».

В общем всё выглядело как будто довольно обыденно. И тут мы вспомнили один эпизод, произошедший недавно на молодёжной выставке бухарестского фестиваля. В советском павильоне у громадного белоснежного макета дворца МГУ французские и итальянские студенты слушали рассказ о новом университете. Вдруг одна итальянская девушка воскликнула: «Боже, всё это похоже на сказку!» Экскурсовод удивлённо посмотрел на неё и серьёзно сказал: «Нет, это не сказка, это реальная действительность нашей страны. Через две недели этот дворец поступит в распоряжение студентов»...

И вот он в их распоряжении. И мы им завидуем. И, конечно, грустно от мысли, что нам в МГУ поступать уже поздно и что по его залам мы можем ходить только в качестве экскурсантов. Но если нам поздно, то вот этим паренкам и девчатам — самое время. И они поступили. Пока не начался учебный год, они, небось, каждый день бегали на Ленинские горы и замороженные стояли перед светлой громадой университетского здания. Ну, а теперь они хозяева дворца. Он построен для них. Они в нём учатся.

Мы зашли в студенческое общежитие. Собственно, то, что мы там увидели, совершенно неправильно именовать общежитием: здесь каждый студент имеет отдельную комнату с душем. Из одной такой комнаты навстречу нам вышли трое юношей. Останавливаем их:

— Можно посмотреть ваши комнаты и поговорить с вами?

— Пожалуйста! Пройдёмте в мою комнату,— сказал один из них.

Входим в светлую, очень разумно и со вкусом обставленную комнату. Знакомимся. Хозяин комнаты — Леонид Лебедев. Остальные двое — его друзья: краснодарец Виталий Кутыркин и москвич Геннадий Соболев. Представляя нам москвича, Лебедев говорит:

— Он здесь не живёт. Пришёл к нам в гости. С утра пришёл и всё не уходит. Раньше мы ему завидовали, а со вчерашнего дня — он нам.

В этом месте нашей беседы три студента, как по команде, посмотрели на часы, а хозяин комнаты сказал:

— Извините нас, пожалуйста, но нам надо торопиться на лекцию. Всё-таки первая лекция, неудобно опаздывать. Да к тому ж лекцию читает президент Академии наук СССР товарищ Несмеянов...

И они ушли. Ушли учиться. Ведь для того и построен этот чудесный дворец.

Вас. АРДАМАТСКИЙ

Печать правящих кругов Западной Германии пытается скрыть от широкой общественности итоги переговоров между Советским Правительством и Правительственной Делегацией Германской Демократической Республики.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

— Московские переговоры принесли нашей газете большие деньги.
— Напечатали много статей!
— Наоборот, не напечатали ни одной строки...

ВЫСШЕЕ ШПИОНСКО-ДИВЕРСИОННОЕ...

В давние времена Страсбург был знаменит своими паштетами с трюфелями. Ныне Страсбург стяжал печальную славу на поприще, весьма далёком от кулинарии. Он недавно стал резиденцией Европейского Совета. Кроме того неказистый замок в его окрестностях получил начинку, по сравнению с которой тухлое яйцо обладает прямо-таки божественным ароматом. Конечно, о вкусах не спорят. И то, что у нормального человека вызывает естественное чувство тошноты, привело американский журнал «Зис уик мэгзин» в восторженное умиление. Почтенную редакцию прельстила явно неблагодарная, прямо скажем, неразрешимая, задача — похвалиться первоклассной школой шпионов, убийц, диверсантов, «будущих американских гаулейтеров»; с другой стороны, приличия ради, попытаться нарисовать совершенно невинное учебное заведение, готовящее дантистов, искусствоведов и даже богословов. Это так же трудно, как выдать за скромную школьницу такую раскрашенную особу с Бродвея, даже если у неё из сумочки и торчит учебник ботаники или геометрии.

Но познакомимся ближе с храмом шпионской науки. Шато де Пуртале — некрасивый французский замок XVIII века — имеет всё, что полагается: и крошечное искусственное озеро и обветшалые статуи на лужайках. Наконец, самое главное,

его лесистую территорию окружают надёжные каменные стены.

Так же художественно рисует журнал и психологическую обстановку в старинном замке, мимо которого седой Рейн катит свои волны. Импортёрванная в эти края Лорелея — мисс Мильдред Томпсон из города Пукипси (штат Нью-Йорк) — обуреваема сложными чувствами. «За её весёлым обаянием скрывается некоторое смущение». Она, старый педагог из провинциального американского колледжа, несколько неожиданно очутилась в Эльзасе, повествует «Зис уик мэгзин», и стала деканом группы людей, занимав-

шихся подрывной деятельностью. Эти 153 юноши и 30 девушек, кокетничает журнал, подобно мисс Томпсон, приходят в смущение, когда пытаются уяснить себе, как же они сюда попали.

Снисходительные руководители колледжа не считают своих «студентов» ни венграми, ни румынами, ни чехами. Чёрт их разберёт, какой они национальности! Администрация с грустью признаёт, что за 19 месяцев работы она не смогла удовлетворительно разрешить проблему превращения «беспаспортного бродяги» сначала, к примеру, в венгра, а затем в венгра-патриота «нового типа», то есть в человека, который должен иметь два отечества: первое, чтобы продавать, и второе, которое будет за это платить.

Состав учащихся достаточно красноречив. Не менее специфичны условия приёма. Каждый кандидат должен доказать строгой отборочной комиссии свою способность «руководить». Под этим благозвучным термином в приличном шпионском обществе понимается готовность к убийствам из-за угла, поджогам и прочему.

Руководители колледжа — знатоки шпионского ремесла. Инспектором колледжа, как пишет «Зис уик мэгзин», является капитан Сэбэл от разведки военно-морского флота США. Он, несомненно, кое-что смыслит в этом деликатном занятии. Заместитель председателя попечительского совета мистер Джексон недавно без особой

грусти простился с педагогическим поприщем. За свои заслуги он назначен на пост специального советника при президенте США по вопросам психологической войны.

Предатели, обучающиеся в колледже «Свободная Европа», живут неплохо; их называют «студентами люкс». В замке де Пуртале действует водопровод, в комнатах светло и тепло — совершенно недоступная роскошь для обычного западноевропейского студента.

Итак, слушатели колледжа — подающие надежды шпионы и диверсанты. Педагоги — матёрые разведчики. И хозяин у этого неблагопристойного заведения вполне подходящий: «Национальный комитет борьбы за свободную Европу». Как и следовало ожидать, «освободитель Европы» пребывает, конечно, в Нью-Йорке. В его руках, пишет журнал, находится также и «одно из самых грозных (следует читать грязных — Г. Г.) орудий пропаганды — радиостанция «Свободная Европа».

Америка не усложняет свою доктрину «холодной войны» излишней сентиментальностью. В кругах, определяющих внешнюю политику США, с методичной деловитостью бизнесменов подсчитывается, сколько сотен миллионов долларов следует отпустить на диверсии. Под высоким куполом Капитолия конгрессмены, потеряв всякий стыд, утверждают ассигнования на эти цели. Дело дошло до того, что подрывная работа против других стран поднята в США на уровень правительственной политики.

Но, видно, бес попутал «Зис уик мэгэзин». Толково рассказав о том, что колледж «Свободной Европы» готовит шпионов, и только шпионов, он решил тут же опровергнуть самого себя. Журнал начинает вертеться, как вор на ярмарке.

Самый наивный человек понимает, что шпионы с высшим образованием не могут писать на своих визитных карточках: «Бакалавр диверсий» или «Магистр шпионских наук». Каждому уважающему себя диверсанту нужна для маскировки легальная профессия. И вот колледж заботливо возит своих питомцев на лекции в старинный Страсбургский университет. Там они получают дипломы врачей и фармацевтов, химиков и физиков. А один из шпионов заканчивает, например, диссертацию на тему: «Изображение Девы во флорентийской живописи XV века».

В своём стремлении доказать, что шпионаж — благородное дело, «Зис уик мэгэзин» ударился даже в исторические параллели. Своей талантливостью, любознательностью будущие шпионы и диверсанты, оказывается, выгодно выделяются даже в Страсбурге, в университете, где учился Гёте.

Особая подлость журнального фокуса заключается в том, что такие большие имена он пытается поставить на одну доску с безымянным отребьем. Но разве презренные профессии выиграли от этого?

Скандальную рекламу колледжу «Свободной Европы» журнал сделал. Однако ни обелить, ни приукрасить храм шпионской науки на Рейне не смог.

Г. ТОПОРКОВ

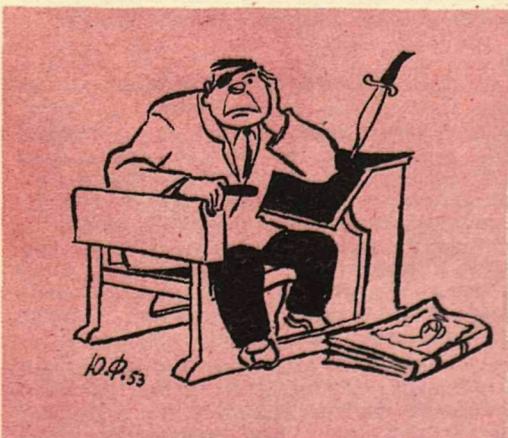

Рисунок Ю. ГАНФА.

В массовой забастовке, которая проходила во Франции в августе, участвовали работники телевидения.

— Это, господа, никак не входило в нашу программу!..

Занятиям в 240 японских школах, расположенных вблизи американских аэродромов и полигонов, сильно мешает шум, вызываемый самолётами и стрельбой из орудий.

Рисунок В. ФОМИЧЕВА.

— Дети, сегодня мы опять не смогли изучать родной язык, но зато ознакомились с языком американских пушек.

ВЕРЗИЛА ИЗ ВИСКОНСИНА

В буржуазной Америке слава — это «паблисити», реклама. Самое большое «паблисити» у человека, которого капиталистическая печать и кабацкие завсегдатаи, миллиардеры и гангстеры фамильярно называют «верзилой из Висконсина». Все согласны с тем, что он обладает большой физической силой. Об его умственной силе никто ничего не говорит. Повидимому, это несущественная деталь в общем облике верзилы из Висконсина.

Его официальное имя — Джозеф Маккарти, официальное звание — сенатор. Его подлинная профессия — политический сыск. Он затмил самого Гувера, начальника американской полицейской разведки.

Руководителей учреждений называют в Америке «намбер уан» — номер первый. Люди в США спорят о том, кто «номер первый» в государстве. Многие думают, что президент. Некоторые утверждают, что это Маккарти. Главы американских монополий говорят о Маккарти: «Наш человек». Но руководители американского уголовного подполья возражают: «Наш человек». Главари американской реакции говорят примирительно: «Наш общий человек».

Будучи столь знаменит, Маккарти ещё не дождался того прокурора, который уложил бы его деятельность в обвинительный акт. Но он уже имеет своих биографов в лице журналистов Джека Андерсона и Рональда Мэй. Их книга «Маккарти: человек, сенатор, «изм» временно заменяет обвинительный акт и приговор.

Маккарти как человек

Его отец был скромным фермером и, повидимому, честным человеком. Он возделывал картошку и не обнадёживал своего сына видами на богатое наследство. Джо ещё в юном возрасте решил нажить капитал какими угодно средствами. Его коммерческий дебют напомнил старую сказку о курице, которая снесла золотое яйцо.

Эта наивная сказка для самых маленьких детей в американском переложении выглядит так. Жили-были мистер дед и миссис баба. У них была курица ряба. Она снесла яичко, но не простое, а снаружи золотое, внутри пустое. Дед стал спекулировать на золотом яичке. Цены на бирже скачут, баба пляшет. Но налетел кризис, махнул хвостиком, цены упали, дутое яйцо разбилось. Дед и баба плачут, газеты кудахчут.

Джо Маккарти начал прямо с птичьей фермы. На ней с придачей головы будущего сенатора числилась 12 001 куриная голова. Предполагалось, что все куры будут нести доллары. Если бы так вышло, то, быть может, Маккарти на всю жизнь остался куроводом и в руководы политические не попал.

Повидимому, у кур Маккарти перенял их слепоту, — он не рассмотрел экономическую конъюнктуру. Кризис набежал, махнул хвостом, цены на яйца упали, и все куры пошли под нож. Биографы говорят, что Маккарти, стоя посреди своего обезглавленного поголовья, зловеще произнёс: «За эту куриную кровь люди расплатятся своей кровью!»

Это было первое политическое заявление Маккарти. Оно определило дальнейшую его карьеру. Заправили демократической «машины», всесильные боссы, оценили Маккарти как «человека в кулаке» и как куриного повелителя, политического шетуха.

Свою судебную деятельность Маккарти озаменовал тем, что изобрёл «висконсинские разводы». Законы США затрудняют бракоразводную процедуру. Маккарти до крайности упростил и рационализировал это дело. Плати судье — разводись. Супружеские пары из всех штатов устремились на скоростной конвейер Маккарти. Это был первый шумный скандал и первое «паблисити» Маккарти.

За этим последовал второй скандал, второе «паблисити» во всей печати США: судья получил крупную взятку от компании Пепси-кола. Мелкими пташками поле-

тели взятки от других фирм. Верзила из Висконсина торговал решениями, как средневековые монахи индульгенциями.

Скандалы докатились до верховного суда штата. Государственный прокурор сел было за составление обвинительного акта, но пророчески предсказанная Гоголем бурая свинья забралась и в архивы верховного суда и похитила все обличающие верзилу документы. Это уже было «паблисити» высшего класса. Уголовное подполье высоко оценило способности Маккарти. Боссы избирательных машин считали, что Маккарти выдержал экзамен политической зрелости.

Война завершила его подготовку. Он избрал шпионаж как наиболее близкую ему профессию. Но он выслеживал фашистских шпионов лишь для того, чтобы свести с ними дружбу. Фашизм стал его исповеданием. По своей первобытности и дикости он пришёлся как раз по уровню Маккарти. Связь Маккарти с немецкими фашистами во время войны навлекла на него подозрения в измене, но Маккарти уже тогда в борьбе со своими разоблачителями применил приём, который метко называют «защитой скунса». Спасаясь от преследователей, этот зверёк выпускает струю столь острого аромата, что бегут от него все звери и охотники. Когда Маккарти уличали в уголовщине, он, как скунс, обливал противников контробвинениями в политических преступлениях.

Маккарти как сенатор

Он служил монополиям при правительстве демократов. Он служит монополиям при правительстве республиканцев. И ему, как своему человеку, монополии США доверили пост председателя так называемой сенатской подкомиссии по расследованиям. Крикливый и задиристый петух был призван искусственно создавать в США атмосферу всеобщей военной истерии, атомного шантажа, белого террора.

Преследование коммунистов, подлинных демократов, сторонников мира не было новостью. Их преследовали и до Маккарти. Нужно было для «паблисити» изобрести нечто новое, нечто такое, что пре-

восходило бы все прежние рекорды в данной области. Реакционеры с фиговыми листками изжили себя. Нужно было организовать преследование вообще всех инакомыслящих. Нужен был фашист без либерального грима, фашист стопроцентный. Верзила из Висконсина стал первым номером конгресса.

Ещё до прихода в подкомиссию он предъявил список 205 сотрудников государственного департамента, якобы скрытых коммунистов. Список был подложный, нелепый, но задрожал от страха весь курятник. Куры Ачесона клялись, что они не умеют летать. Им не верили.

За этим последовал сыск в секретариате ООН. Ближайший помощник Трюгве Ли из страха перед допросом выбросился из окна. Его дело, дело Феллера, стало международным скандалом. Сенатор Маккарти вырос в политическую величину огромного масштаба.

Ощувив свою силу, поощряемый монополиями США, распоясавшись, Маккарти свирепствует в Вашингтоне, наводя панический страх на людей с куриными и цыплячьими душами. Запах скунса разносится по всему капиталистическому миру. Маккарти шарит по библиотекам американских посольств и миссий, вылавливая «коммунистические» издания, в число которых попадают произведения мировых классиков. Маккарти громит буржуазных политических деятелей Европы, изобличает Англию, требует энергичнее готовить войну, устраивать провокации и диверсии в странах народной демократии.

Финансовые диктаторы США видят в Маккарти подходящее пугало для робких людей. Но американский народ не из кур состоит. США — это не птичья ферма. Чем больше свирепствует Маккарти, тем сильнее отпор общественности гангстеру в сенаторском звании. Звезде Маккарти угрожает падение.

Маккарти как «изм»

Американская капиталистическая печать способствовала карьере Маккарти. Она его защищала и восхваляла. Она создавала ему «паблисити» и повышала его курс на политической бирже. Но ныне некоторые, более предусмотрительные публицисты типа Липпмана начинают осторожно отгораживаться от Маккарти. Они изобрели «маккартизм» как некое будто бы особое течение в реакционном лагере США. Они пытаются извинить «крайности» Маккарти личными особенностями его натуры. Говорят о неуравновешенности его, о психологической дефективности. Дикие выходы рассматривают как его «личное мнение», за которое якобы правительство США не несёт ответственности. «Маккартизм» противопоставляют «американизму».

Это явная фальсификация. Нет никакого особого «маккартизма». Маккарти — закономерный продукт американского империализма. Некоторые апологеты этого империализма говорят о Маккарти: «Семейство не без уродов». Но в применении к условиям американской политической жизни вернее сказать: «Урод не без семейства». У Маккарти обширное и влиятельное семейство. Это вся правящая верхушка американских монополий, семейства Моргана и Рокфеллера, Меллона и Дюпона. Маккарти служит этим семействам, как цепной пёс. Его, однако, спускают с цепи, чтобы неистовым лаем поддерживать страх в американском народе и в народах мира.

Разрядка международного напряжения, победа сторонников мира — это удар по семейству американских уродов. Перемирие в Корее, как кляпком, ошпарило Маккарти. От этого ещё неистовее его визг. Американская политика силы и агрессии обнаружила свою слабость, Маккарти обнаружил своё политическое ничтожество.

От великого до смешного один шаг. Но в буржуазной Америке от политики до уголовщины нет и шага.

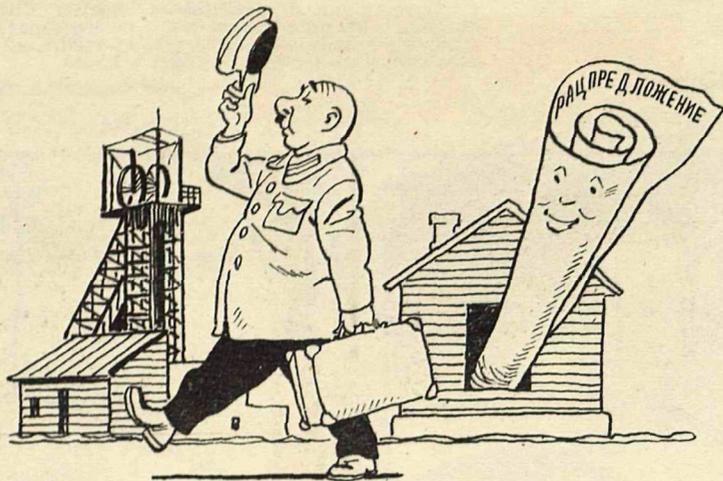
Д. ЗАСЛАВСКИЙ

Командование вооружёнными силами США на Дальнем Востоке запретило репатрированным военнопленным рассказывать представителям печати о своём пребывании в плену в Корее.

Рисунок Л. БРОДАТЫ.

— Я запрещаю вам говорить о вашей жизни в плену!
— Но мой вид говорит сам за себя...

Отпуск инженера Прокопенко

Радость пришла неожиданно-негаданно... В июне главный инженер шахты имени Ильича отбыл на курорт. Однако горняки радовались не только тому, что Пётр Артемьевич Прокопенко подправит распатавшееся здоровье. Отъезд на лечение одного из руководителей шахты связывался, как это ни странно, с приятнейшими перспективами чисто производственного порядка.

— Ну, теперь-то мы получим угольный комбайн! — облегчённо вздохнули на участке № 1.

— Вот когда серьёзно займёмся воздухопроводом! — торжествовали механики.

— Да и на металлическое крепление перейдём! — улыбались в маркшейдерской. — На месяц уехал... Успеём!

Нет, инженер Прокопенко не был против комбайнов, металлокрепления и нормальной подачи сжатого воздуха к шахтным механизмам. Исходя из отвлечённых, теоретических позиций, Пётр Артемьевич всегда признавал некоторые преимущества угольного комбайна перед отбойным молотком. Больше того: он был целиком и полностью за применение новейшей горной техники на всех других шахтах.

— Но не на нашей! У нас комбайн не пойдёт, — говорил Прокопенко. — Особые геологические условия! Зажмёт, завалит!

— Почему же? На первом участке сможет отлично работать, — робко возражал начальник шахты А. Ю. Иванов.

— Всё равно! Завалит, зажмёт!

И начальник немедленно соглашался с этим безапелляционным заявлением.

— А на металлическое крепление переходить будем? Ведь дешевле, удобнее!

— Не к спеху. Повременим!

И опять начальник шахты присоединялся к мнению Петра Артемьевича.

Если разговор касался пневматики, Пётр Артемьевич был более многословным:

— М-да... Гм... Давление воздуха недостаточно!.. Оттого и механизмы плохо работают... Конечно, повысить давление не мешает... Можно! Только, пожалуй, и тут зажмёт.

И снова А. Иванов не решался перечить своему главному инженеру. Когда потребовалось улучшить проветривание одного из участков шахты, Прокопенко распорядился произвести работы по довольно сложной и дорогой схеме. Горный мастер Г. Шлеенков и другие опытные шахтёры предложили улучшить вентиляцию совсем другим методом, сокращающим расходы в пять раз. Главный инженер по обыкновению упёрся:

— Нельзя! У нас особые условия... Делать по-моему!

Рабочие пытались доказать преимущество своего предложения, безуспешно взывая к элементарной логике и простейшему математическому расчёту. Увы, Пётр Артемьевич заупрямился, как гоголевская Коробочка! Это упрямо обошлось дорого: сначала затратили впустую 16 тысяч рублей на проходки по схеме Прокопенко и только после этого стали уже работать по способу, предложенному шахтёрами.

В прошлом году инженеры и техники первого участка задумали осуществить проходку нового вентиляционного подштрека очень экономичным способом, сберегающим десятки тысяч рублей. Но можно ли явиться с таким предложением к Прокопенко? Опять услышишь: «Зажмёт, завалит». Новаторам пришлось пуститься на хитрость.

— Вот, Пётр Артемьевич, хотим делать проходку точно так, как вы нам советовали! — сказал инженеру начальник участка Я. Грудев.

— Когда я советовал? — встрепенулся Прокопенко.

— Ещё с месяц назад! — ответил Грудев, не моргнув глазом.

— Ага!.. Тогда делать по-моему! Давайте подпишу.

Но вскоре пришлось от такого обходного маневра отказаться. И вот почему. Механики А. Колесников и Д. Подколзин придумали оригинальный станок, сулящий сотни тысяч рублей экономии. Поначалу Прокопенко и слушать не хотел о станке, уверяя, что из затеи механиков ровным счётом ничего не выйдет. Пришлось уламывать его через партбюро:

— Да вы же сами были за это предложение!

— Разве? — удивился главный инженер и нехотя заказал нужные для изготовления станка чертежи.

Станок оказался очень эффективным. Шахта избавилась от больших непроизводительных расходов. Пришло время наградить по заслугам рабочих-изобретателей. Однако Прокопенко не пожелал подписывать документов на выплату им премии.

— Это же была моя мысль! — заявил главный инженер.

Приписывать хорошую инициативу Петру Артемьевичу стало рискованно, а спорить с ним всем давным-давно надоело. Вот почему и обрадовались отъезду Прокопенко на курорт. Самое поразительное, что обрадовался этому и Анатолий Юрьевич Иванов. Кто-кто, а он, как начальник шахты, мог бы отменить любое решение главного инженера, и не дожидаясь его отъезда на Рижское взморье.

Но Анатолию Юрьевичу не хотелось ссориться с Петром Артемьевичем. Принципиальности же начальнику шахты явно не хватало. Поэтому то пребывание Прокопенко на курорте чудеснейшим образом сказало и на шахте. Пока не было главного инженера, здесь успешно ввели более совершенное крепление, упорядочили пневматическое хозяйство, развернули подготовку к пуску комбайна.

Однако, узнав о временных трудностях, мешающих пуску комбайна, вернувшийся с курорта Прокопенко вместо того, чтобы помочь горнякам, сразу же начал ехидничать:

— Я же говорил, что ничего не выйдет! Я предупреждал!

Шахтёры и без его помощи пустили комбайн.

Поведение Прокопенко давно никого не удивляет.

— Знаем его! Типичный антимерханизатор! — говорят о Прокопенко в тресте «Кадиевуголь».

Но только говорят...

— Консервативный человек! Бойтся нового! — соглашаются и в горкоме партни.

Но только соглашаются... Видимо, и начальник шахты, и руководители треста «Кадиевуголь», и местные партийные организации ждут не дождутся, когда Пётр Артемьевич снова поедет в отпуск!

Евгений ТРОИЦКИЙ,
специальный корреспондент
Крокодила

г. Кадиевна, Донбасс.

ПО ПЕЧАТНЫМ СТРАНИЦАМ

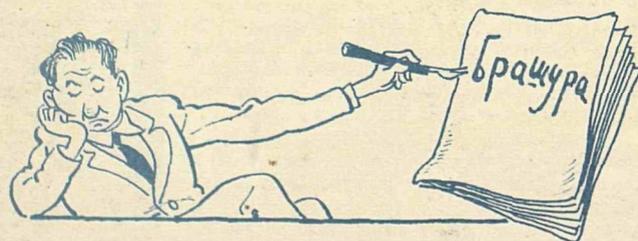
Душа из трубопроводов

Как устроена душа и где она находится? Этот вопрос долго волновал умы средневековых философов и церковников, и до последнего времени на него не было дано удовлетворительного ответа. Недавно разработкой этой проблемы занялся начальник технического отдела павлодарского ремонтного завода «Октябрь» тов. Гаун, и результаты уже налицо.

«Душевная система» состоит из трубопроводов, выполненных из обыкновенных газовых труб». Размещается она «в габаритах моечного отделения МТМ при МТС», — сообщает клиентуре завода в печатной инструкции к моечной установке для деталей. На семи страничках текста составитель брошюры изо всех сил старается мистифицировать сельских механизаторов. Моющий содовый раствор он рекомендует нагревать до «температуры... 90 проц.», а чистую воду — «до Т — 900 С.». Столь невероятный перегрев воды, по мнению автора, «обеспечивает удовлетворительными смыс с деталей грязи». В заключительном разделе автор строго-настрого требует: «Работать на мустановке в... резиновых сапогах рукавицах...»

Небольшая брошюрка — плод творческого содружества завода с павлодарской типографией. № 12 — содержит свыше полутора ста грубых орфографических и технических ошибок.

Прочитали работники машинно-тракторных станций эту инструкцию и задумались: как же устроена «душевная система» у людей, ответственных за выпуск инструкции? Или, может быть, совсем без души люди работают?..

ЖЕРТВА СПИННИНГА

— Отличный экземпляр! — воскликнул начальник отделения Александров, осматривая новенький спиннинг. — Как, Вячеслав Иванович, справимся с массовым выпуском?

— Спиннинг не паровоз, — ответил начальник цеха Кожин. — Тут нужна особая технология... Надо бы Мартышню привлечь. Опытный мастер!

— Мартышня... Нет. Не желает. Улёгся старик! Завод, говорит, и так не выполняет производственный план.

— Скажи, пожалуйста! А при чём же здесь наш цех?

— А при том, говорит, что другие цехи инструментом не обеспечены!

— И что же старик предлагает?..

— Не надо, говорит, станки частными заказами загружать. Нет у нас задания на выпуск спиннингов. Мы их самовольно, в ущерб плановым заданиям, делаем. Частную торговлю спиннингами открыли...

Кожин побагровел:

— Вон он за что уцепился, вон какую базу под наши спиннинги подвёл!.. Ну нет, шалишь!

Никто толком не знает, кроме Кожина и Александрова, как оно получилось, только мастер Мартышня больше не появлялся в инструментальном цехе паровозостроительного завода.

Кожин и Александров в погоне за наживой освоили массовый выпуск спиннингов и без помощи опытного мастера-новатора.

Куда же девался Мартышня?

После долгих поисков и расспросов нам удалось выяснить, что Мартышня работает контролёром ОТК в турбинном цехе, куда он перевёлся, спасаясь от Кожина.

И вот мы в турбинном цехе.

— Вы Виктор Иосифович Мартышня? — спрашиваем мы.

— Да, — отвечает нам пожилой человек с умными, серьёзными глазами.

— Автор многих рационализаторских предложений, внедрённых в производство?

— Правильно.

— Человек, награждённый значком отличника социалистического соревнования и пятнадцать раз завоевавший звание лучшего мастера завода и, кажется, звание лучшего мастера министерства?

— И это верно.

— Почему же вас перебросили из инструментально-штампового цеха?

— За открытие, — подумав, отвечает мастер.

— Какое?

— Я открыл, что начальник цеха Кожин и начальник отделения Александров превратили цех в частную лавочку. И вот, как видите, результат: они благоденствуют, а я... я принимаю детали.

— Неужели местные организации не поддержали вас?

— Поддержали. — Мартышня махнул рукой. — Даже из обкома комиссия была. Подтвердила факты. И что же? Кожин и Александров попрежнему в почёте.

Когда мы покидали паровозостроительный завод, над рекой Десной уже совсем низко висел раскалённый диск солнца. На берегу сидели рыбаки. Орудуя спиннингами, они оживлённо беседовали:

— Ты тоже у Александрова купил? Отличный инструмент!

— Да, инструментальный цех славится. Освоил дело...

Десна слушала и морщилась. Даже ей, должно быть, неприятно было слушать такой разговор...

Фёдор КРАВЧЕНКО

г. Бежица,
Брянской области.

РЕЧИ У РЕЧКИ

Находящийся на границе двух районов — Ставровского и Собинского — мост пришёл в ветхость, но заняться его ремонтом отказываются как ставровские, так и собинские организации. Мост приходится объезжать за несколько километров.

М. БУДАНОВ

Лакно,

Владимирской области.

Рассохся мост на речке Вёрше —

И речи вокруг него что день, то горше.

Бранятся спорщики уж много лет подряд

И так друг другу говорят:

«Ваш мост должны чинить не мы же!»

«К району вашему тот мост гораздо

ближе!»

«Нет, ваша помощь тут нужна!»

«Нет, наше дело — сторона!»

Что толку от подобной ссоры,

Хоть с каждым днём она всё горячей?!

Пора уж к делу перейти бы от речей.

Где надобен ремонт, там не помогут

споры!

Мих. ПУСТЫНИН

На многочисленных совещаниях творческих секций композиторы-песенники, художники-живописцы и драматурги ограничиваются декларативными обещаниями создать новые высокохудожественные произведения на современные темы.

Рисунок В. ВАСИЛЬЕВА.

Должники.

ГВОЗДЬ в стуле

(Рассказ киносценариста)

Однажды, на свою беду, размышляя над темой очередного сценария, я вдруг вспомнил, что ещё ничего не писал о мебельщиках. И мне сразу представился план сценария. Он стахановец мебельной фабрики, она инструктор чулочной фабрики. Он делает стул и преподносит любимой. Она садится. И, заметьте, в этом месте начинается драма. Плохо забитый в стуле гвоздь врёт её капроновые чулки. Кто виноват?

В студии меня спросили, достаточно ли я знаком с мебельным производством.

— Нет, — ответил я, — но это пустяки. Схожу в соседнюю мебельную артель и...

— Нет, нет! Это не годится, — возразили в студии. — Поезжайте в Таллин, там делали мебель для нового здания МГУ и для высотных зданий столицы. Там обставляли мебелью театры Москвы, Белоруссии, Украины. В общем на месте вы всё узнаете. У них мебель — пальчики оближете!

В первый же день своего пребывания в Таллине я познакомился со стахановцем стульного цеха фанерно-мебельной фабрики Артуром К. И сразу же изложил ему суть дела: он, она, стул, гвоздь, чулок.

— Позвольте, какой гвоздь? — удивился Артур.

— Ну... этот... в стуле.

— Стулья теперь клеят, соединяют болтами, и... никаких гвоздей.

Мой сюжет прямо на глазах стал разваливаться на куски.

— Позвольте, а как же конфликт?

Артур усмехнулся и ткнул пальцем в витрину мебельного магазина, мимо которого мы проходили.

— Вот вам первый конфликт.

— Какой же это конфликт! — взмолился я. — Это чудесный столовый гарнитур. Буфет — орех с инкрустацией, стол — как зеркало...

— А цена?

— Цена? Цена, конечно, того... У немногих найдётся семь или двенадцать тысяч.

— Заметьте, это рижский гарнитур. Наши ещё дороже.

— Да, но конфликт?

— А вот вы сами посудите: стулья у меня есть, стол тоже. А буфета нет. Вернее, в гарнитуре есть, а в отдельности нет.

В магазине артели «Хоог», по улице Пикк, Артур повёл дипломатический разговор с продавцом:

— Скажите, книжные полки есть?

— Нет.

— А столики под радиоприёмники?

— Тоже нет.

Не было в магазине карнизов для гардин, секретеров, буфетов, полочек и жардиньерок для цветов, кухонных буфетов, этажерок, преддиванных столиков. Директор магазина Карин Тыниссон сказала:

— И не ищите. Этой мебели ни в одном магазине нет.

— Разве это не конфликт? — спросил меня Артур, когда мы вышли. — Представьте положение молодожёнов. Гарнитур они покупать пока что не будут, а в отдельности... в отдельности, как вы сами видите, самых необходимых вещей нет.

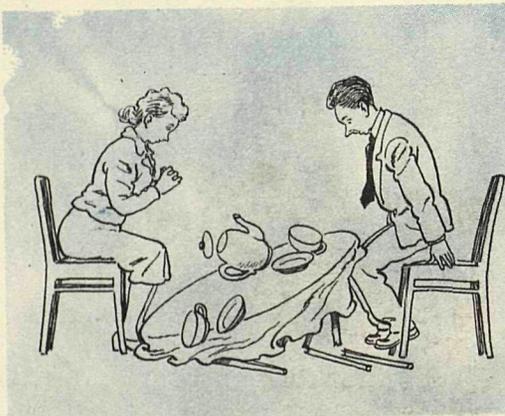
— Как же нет! — воскликнул я, когда мы вошли в мебельный магазин по улице Вене. — Вот преддиванный столик. Только почему он на таких тоненьких, жиденьких ножках?

— Это Торговая палата такой утвердила, — пояснил продавец. — А те, что на прочных ножках, сняла с производства.

— Почему?

— Старая модель, говорят. А какая же она старая, когда покупатель требует? Да разве только эти столы? А письменные! Попробуйте, найдите! Раньше их делали артели «Хоог» и «Тугев». Потом им установили новый ассортимент, а столы сняли с производства.

— Ведите меня в Торговую палату, — попросил я Артура, — конфликт есть, сюжет есть. Он стахановец, она в Торговой палате. Они садятся пить чай за столик, изготовленный по её распоряжению. Столик падает. Кто виноват?

Артур иронически усмехнулся, но в палату повёл. И это была именно чудесная палата. В тёмном, уютном подвале, тесно прижавшись друг к другу, стояли шедеры мебельного искусства — книжные шкафы и полки, письменные столы, кресла, буфеты, разные тумбочки... и даже табурет. Всё это было отменного качества и совершенно в отдельности друг от друга. Забыв о конфликте, я остановился перед туалетным столиком и, предвкушая радость жены от такого подарка, воскликнул:

— Сколько стоит?

— Мы не продаём, — ответил представитель палаты. — Это образцы продукции, которую могли бы изготавливать мебельщики... Но не изготавливают.

— Почему?

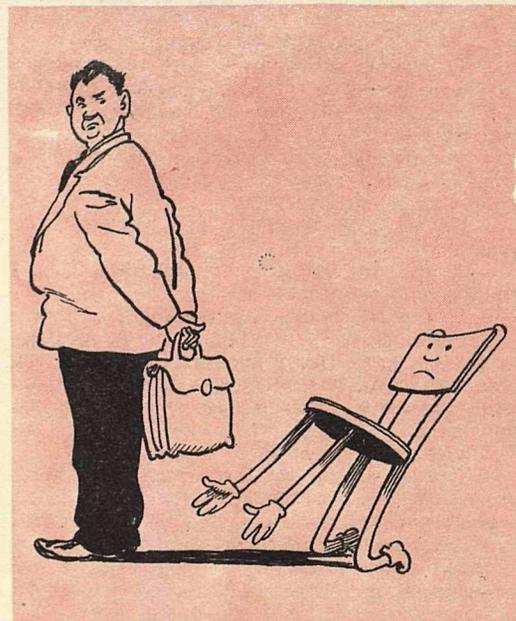
— Как почему? — вмешался Артур. — Мастерские артелей разбросаны в десятки мест; в одном изготавливают детали, в другом собирают, в третьем полируют. Перестраивать технологический процесс сложно и дорого. Для перехода на поток нет помещений, оборудования.

— А кроме того Архитектурное управление многие образцы не утверждает, — с грустью добавил представитель палаты.

— Почему?

— Говорят, что круглые углы уже устарели, гнутые ножки — тоже, резные ножки — пережиток...

Вы понимаете, после посещения Торговой палаты я уже не смог остаться объективным и спокойным. Сюжет будущего сценария обогащался всё новыми деталями. Я начал действовать с пристрастием. За три дня я столько узнал! Посудите сами: мебельным делом в республике, кроме Фанерно-мебельной фабрики, занимаются 32 промкомбината, 16 артелей и 5 предприятий «Союзлесторга». А в республике нельзя приобрести самой необходимой мебели! Разве это не сюжет для злой сатирической комедии?!

В республике нет ни одного по-настоящему оборудованного мебельного магазина. Вернее, один есть — в Таллине. Но и тот в основном торгует рижской мебелью. А в остальных мебель сложена в разобранном виде или же стоит в такой тесноте, что оглядеть её со всех сторон покупатель может только в собственной квартире.

Разработкой новых моделей занимаются все, кто только хочет и может. Но если даже удаётся спроектировать подходящий образец, то производство его можно начинать не раньше, чем через шесть — девять месяцев после утверждения в Архитектурном управлении, в Торговой палате и в Совете министров республики, причём и эти, утверждённые образцы в большинстве своём не выпускаются или выпускаются в мизерном количестве.

Около 100 тысяч рублей ежегодно перечисляет Таллинская мебельная фабрика Проектно-конструкторскому бюро «Главмебельпрома», которое специально занимается разработкой новых моделей мебели. Но фабрика делает мебель по своим проектам. Бюро не прислало фабрике до сих пор ни одной новой модели. А эти 100 тысяч, между прочим, входят в калькуляцию мебели, выпускаемой фабрикой.

Следовательно, мебельным делом в республике руководят все и никто! Артели и комбинаты с раздутыми штатами и накладными расходами, с неразберихой в проектировании новой мебели... ведь за всё расплачивается — в буквальном смысле расплачивается — покупатель! Да если к тому же трудящийся за свои деньги не может купить то, что ему хочется, это, знаете ли...

Я поделился своими наблюдениями с Артуром.

— Выходит, сценарий получится! — обрадовался он.

— Непременно! Это будет комедия, и притом смешная. Я и название для неё придумал — «Гвоздь в стуле».

Л. КОН

г. Таллин.

Дорогой Крокодил!

ПИСЬМА ЧИТАТЕЛЕЙ

Товарищ Крокодил!

Помоги нам получить хоть какой-нибудь спортивный инвентарь. Куда мы только не обращались! Даже в Москву, в Центросоюз, писали — и всё без толку. Как-то давно в наш

посёлок совершенно случайно завезли пять пар лыж. Какое это было радостное событие! Ведь в наших краях ещё в мае лежит снег. Из этих пяти пар уцелела всего одна пара лыж, и мы теперь бережём её, как музейную редкость.

За десять лет наших безрезультатных хлопот мы, честно говоря, начинаем забывать, как выглядит спортивный инвентарь. Поэтому, дорогой Крокодил, обращаемся к тебе с необычной просьбой: вышли, пожалуйста, хотя бы фотографии коньков, волейбольных и футбольных мячей, охотничьих ружей.

Мы эти фотографии приложим к уцелевшей паре лыж и создадим единственный в своём роде спортивный музей. В качестве пояснительных надписей к экспонатам дадим выдержки из накопившейся у нас за десять лет пере-

писки по поводу спортивного инвентаря. Не правда ли, получится наглядно и убедительно?!

Г. БАРИНОВ,

секретарь Аяно-Майского райкома ВЛКСМ.
Пос. Аян,
Нижне-Амурской области.

Уважаемый Крокодил!

Ты, наверно, интересуешься вопросами строительства. Сообщаю тебе весьма интересный случай из этой области. В Ленинграде строится пятиэтажное здание нашего института. Это высшее учебное заведение предназначено для повышения квалификации работников лесной и бумажной промышленности.

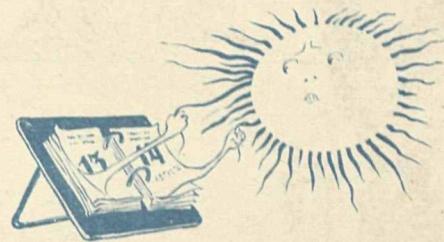
Впрочем, товарищ Крокодил, не спешి поздравлять слушателей института с предстоя-

щим новосельем. Трест «Ленлестранстрой», возглавляемый тов. Петровым, возводит здание с такой скоростью, что если сравнить её с черепахой, то черепахи, пожалуй, обидятся. Работы начаты трестом в 1952 году, но и по сей день ещё не заложен фундамент. Интересно, когда же эти строители доберутся до крыши?

г. Ленинград.

И. КОСТЕВ

Дорогой Крокодил!

15 августа 1953 года я пришёл на службу в полной уверенности, что завтра у нас воскресенье, так как накануне была пятница

Однако настольный календарь утверждал, что 15 августа — только ещё среда, поэтому до выходного дня пока далековато.

Перебирая листки календаря, я совсем расстроился. Оказывается, солнце изменило своему обыкновению появляться на небосводе регулярно. По авторитетным сведениям моего численника, солнце взошло 13 августа, как и положено, в 6 часов 5 минут утра, но 14 августа оно вздумало сиять среди ночи и показало на горизонте в 6 минут первого. Лишь 15 августа почтенное светило вернулось к обычному своему распорядку и начало работу в 6 часов 8 минут.

Прошу тебя, дружище Крокодил, навести порядок в солнечной системе! Или, в крайнем случае, хотя бы в комбинате печати Грузполиграфиздата при Совете Министров Грузинской ССР, выпускающем календари с ошибками.

г. Сухуми.

Майор П. БОЙКО

Крокодил помог

♦ В № 14 журнала Крокодил в заметке «Со стороны руководства...» рассказывал о плохом состоянии рабочих общежитий на шахтах треста «Нелидовшахтострой».

В результате опубликования заметки, общежития отремонтированы. Приобретён необходимый инвентарь. Оборудованы под общежития три новых помещения.

♦ В № 17 журнала было опубликовано письмо читателя тов. Белова из села Чуровичи, Брянской области, о разрушенном колодце.

В настоящее время в селе Чуровичи построен новый колодец. Кроме того, выделены средства на постройку к концу 1953 года водонапорного резервуара.

♦ Директор Глазуновского пункта «Заготзерно» Ашихмин уволил за критику заместителя старшего бухгалтера инвалида И. Г. Егупова.

Об этом факте Крокодил поставил в известность Орловский обком КПСС.

Как сообщил редакции обком КПСС, И. Г. Егупов восстановлен на работе. Директор пункта Ашихмин привлечён к строгой партийной ответственности и снят с работы.

♦ Читатель Крокодила тов. Моторов из Йошкар-Олы прислал в редакцию письмо о плохих дорогах в Красноармейской слободе.

По сообщению исполкома Йошкар-Олинского горсовета, дорога сейчас перемощена и приведена в нормальное состояние.

♦ Редакция таджикского журнала «Пионер» долгое время ютилась в непригодном и тесном помещении.

После вмешательства Крокодила, редакции «Пионера» выделено новое помещение.

♦ Тов. Беляков из посёлка Чаршанга (Туркменская ССР) сообщил редакции о перебоях в снабжении солью.

В настоящее время поселковый магазин солью обеспечен в достаточном количестве.

Рисунок С. КУЗЬМИНА.

— Гражданка, вы платье испачкали!
— Что вы, бабушка, это такой рисунок!..

Главный редактор — С. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. ВАСИЛЬЕВ, Д. ЗАСЛАВСКИЙ, В. КОНОВАЛОВ, И. КОСТЮКОВ, КУКРЫНИКСЫ (М. КУПРИЯНОВ, П. КРЫЛОВ, И. СОКОЛОВ), С. НАРИНЯНИ, И. РЯБОВ.

Изд-во «Правда». Адрес ред.: Москва, 47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-33-47. Д 3-32-50. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

Москва.

Изд. № 708.

Подписано к печати 12/IX 1953 г.

Формат бум. 70 × 108¹/₂.

1 бум. л.— 2,74 печ. л.

A 04119.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Заказ № 2362.

Тираж 350 000 экз.

40
21 СЕН 1953

Партия Аденауэра пришла к власти в Западной Германии в результате «американизированного» проведения выборов, которые прошли в обстановке грубого нажима на избирателей, террора и запугивания.

Восстановленная
Нижняя Палата
Обязат. экземпля.
1953

nc

11210

БУНДЕСТАГ

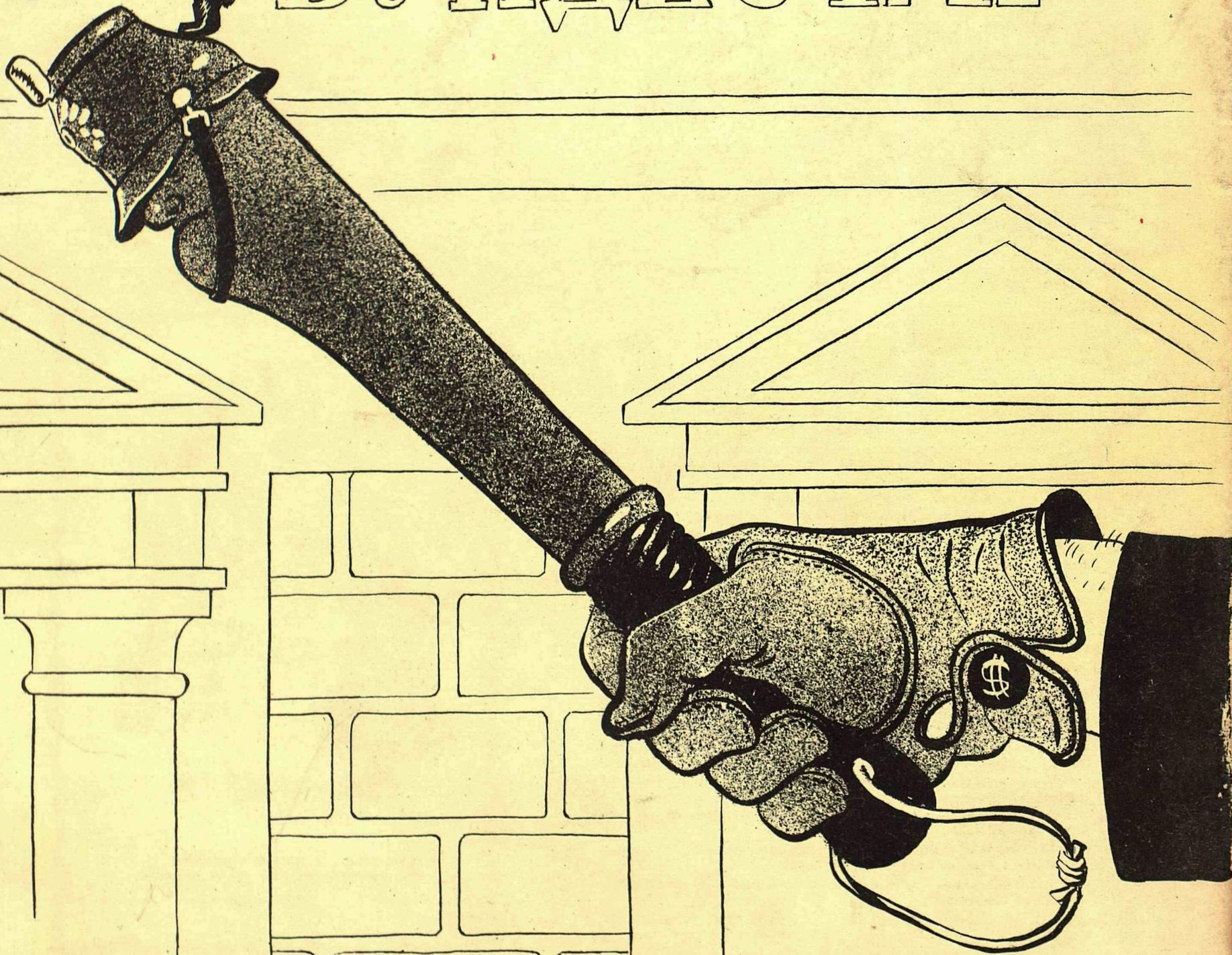

Рисунок Бор. ЕФИМОВА.

ПАЛОЧКА-ВЫРУЧАЛОЧКА